

**ИВАН
АКСАКОВ**

ЕВРЕЙСКИЙ
ВОПРОС

Иван Аксаков

Еврейский вопрос

«Public Domain»

1883

Аксаков И. С.

Еврейский вопрос / И. С. Аксаков — «Public Domain», 1883

«Выражения „идея века“, „либеральная идея“, „гуманная мысль“ – сделались в нашем прогрессивном обществе, каким-то пугалом, отпугивающим самую смелую критику. Это своего рода вывеска, за которой охотно прячется всякая ложь, часто не только не либеральная и не гуманная, но насильственно нарушающая и оскорбляющая права жизни и быта безгласных масс в пользу мнимо угнетенного, крикливого, голосащего меньшинства...»

© Аксаков И. С., 1883

© Public Domain, 1883

Содержание

Из газеты «День»	5
Следует ли дать евреям в России законодательные и административные права?	5
Отчего евреям в России иметь ту равноправность, которой не дается нашим раскольникам?	9
Что такое «еврей» относительно христианской цивилизации?	12
Конец ознакомительного фрагмента.	16

Иван Сергеевич Аксаков

Еврейский вопрос

Из газеты «День»

Следует ли дать евреям в России законодательные и административные права?

Москва, 16 февраля 1862 г.

Выражения «идея века», «либеральная идея», «гуманная мысль» — сделались в нашем прогрессивном обществе, каким-то пугалом, отпугивающим самую смелую критику. Это своего рода вывеска, за которой охотно прячется всякая ложь, часто не только не либеральная и не гуманная, но насильственно нарушающая и оскорбляющая права жизни и быта безгласных масс в пользу мнимо угнетенного, крикливого, голосащего меньшинства. Этот деспотизм некоторых идей, это слепое раболепство некоторым кумирам объясняется историей нашего общественного развития и, бесспорно, имеет свою полезную сторону, если сами идеи нравственны. Оно способно иногда воздержать наклонность — действовать в духе, уже совершенно не гуманном и не либеральном: многие добрые дела делаются если не по убеждению, то из страха, из некоторой душевной подлости пред грозными идеями века. Такое основание, конечно, не нравственно, не прочно, не всегда плодотворно, но тем не менее может быть допущено в области практической как внешняя узда для тех, которые не вразумляются внутренним достоинством господствующей мысли.

Все это так; но критика общественная должна безбоязненно входить в исследование самого содержания всякой новой идеи, не обращая никакого внимания на ее чин и породу, не смущаясь тем, что она состоит в звании идеи века и аристократического, т. е. европейского происхождения, а относясь прямо к ее абсолютной, внутренней ценности. Так и по вопросу об евреях мы большею частью только расшаркиваемся учтиво, и — надобно признаться — не совсем искренне, пред всякою новою для них льготою, не отдавая себе отчета в смысле, значении и пределах таковых льгот. Мы сказали: «Не совсем искренно», и в доказательство можем привести спор нашего малороссийского или южнорусского сборника, «Основы» с еврейским журналом, «Сионом», спор, в котором личное раздражение «Основы» заставило ее приподнять уголок завесы, прикрывающей ее настоящее, сокровенное, если не воззрение, то по крайней мере чувство в отношении к «Иудеям» (как она их называет), и употребить выражения, несколько противоречащие обычному строю речей нашей литературы, когда дело касалось или касается еврейского племени.

Недавно вышел новый закон о евреях, дарующий им новые и весьма важные льготы, именно: евреи, имеющие дипломы на ученые степени доктора, магистра или кандидата, «допускаются на службу по всем ведомствам» и по всей России. Этот закон, которого нельзя не признать вполне милостивым и либеральным, был приветствован во многих наших литературных органах пышными и громкими фразами о нашей «современности и веротерпимости». Но мы смеем думать, что наши защитники и ревнители иудейских интересов не так поняли закон, как бы следовало, и, во всяком случае, не уяснили себе сами тех пределов, до которых может идти его практическое применение. Конечно, выражение «по всем ведомствам» не вполне передает мысль законодательную, и, конечно, его нельзя понимать без ограничения. Так, например, нельзя же предположить, чтобы обер-прокурором Святейшего Синода мог сде-

латься еврей, еврей не по происхождению, а по вере! Мы думаем даже, что наши литературные прогрессисты не решаются, при всей дерзости своего прогресса, признать подобное явление возможным... Почему же нет? С их стороны это будет только недостаток, или, лучше сказать, робость последовательности. Ведь звание обер-прокурора не есть духовное, а чисто гражданское звание, и область управления, ему подчиненная, называется «ведомством». Однако же, наверное, сами наши прогрессисты согласятся, что еврея во главе этого ведомства даже и предположить невозможно. Они сами найдут, конечно, что здесь противоречие слишком резко. Пойдем дальше. Предположим, что кто-нибудь сказал бы нашим прогрессистам: желаете ли вы и считаете ли сбыточным, чтобы правительствующий Сенат, Государственный совет и вообще законодательные учреждения России наполнились евреями, и не в канцелярских, а в самых высших должностях и званиях? Подадут ли наши прогрессисты свой голос в пользу и даже за возможность такого явления? Сомнительно, и даже есть основание думать, что ими овладеет некоторое, может быть, даже несправедливое опасение, чтобы законодатель – еврей, Моисеева закона, не вздумал в России законодательствовать в духе моисеевом!.. Стало быть, является новое ограничение к допущению евреев служить по «всем ведомствам»? В этом-то смысл и полагаем мы, что новый закон о евреях нельзя разуметь без ограничений.

Постараемся подойти к этому вопросу поближе, и притом даже с точки зрения не христианской, а просто языческой, но предположим язычника частного, правдивого, относящегося к делу со стороны, вполне беспристрастно, и предъявляющего касательно нас только одно требование; логики и последовательности.

Вот земля, именуемая себе христианскою. Христианство – такое учение, которое, по мнению христиан, указало особые начала для всего нравственного и духовного мира человека, а следовательно – и общества, и на основании этих начал пересоздало и пересоздает быт частный, общественный, гражданский, государственный, просвещение, науку, законодательство, отношения людей между собой, одним словом, всю область человеческой деятельности. Истинно или не истинно оно в своем существе – этот вопрос в сторону, но таков факт, которого отрицать нельзя. Народы, исповедующие христианство, уклоняются от правил своего учения, но постоянно признают его за свой идеал, за цель своего существования, за свое знамя. Сказать – христианин, и всякому известно, что от этого звания требуется и какому нравственному кодексу – предполагается – он должен следовать. Нет возможности, да и надобности производить испытание над совестью каждого и исследовать его личное отношение к христианству, но достаточно видеть знамя, под которым он стоит, чтобы требовать от него общественных действий, согласных с общественным знаменем. Это знамя в России – христианское.

В христианскую землю приходит горсть людей, совершенно отрицающих христианское учение, христианский идеал и кодекс нравственности (следовательно, все основы общественного быта страны) и исповедующих учение враждебное и противоположное. Естественно спросить – зачем они приходят в страну, под христианское знамя которой стать они не могут? Но им некуда деться, они голодны, сиры, везде и всюду гонимы. Христианская земля, руководствуясь духом своего учителя, дает им приют и средства существования, свободу внутренней и гражданской жизни. Больше этого она дать не может. Больше этого дать – было бы возможно только в таком случае, если предположить ложь с той или другой стороны, то есть – что или христиане лгут, именуя себя христианами, или евреи лгут, официально исповедуя закон Моисеев. На этой-то взаимной неискренности и основывается новейшее современное отношение христиан и евреев! Евреи пришли к христианам – хозяевам земли, в гости. Хозяева могут принять и даже уважить гостей, хотя и непрошенных, но не могут посадить их за свое хозяйское место и дать власть хозяйскую тем, которые проповедуют ниспровержение всякого хозяйского порядка; не могут предоставить им волю распоряжаться и управлять домом. «Но они не станут опровергать порядок, – возразят некоторые. – Они этого не проповедуют». Тут не место таким уверениям, ответит вам всякий честный язычник: лазить в чужую душу и экзаменовать

частную совесть не приходится, а следует обратить внимание на штемпель, которым заклеен человек, на вывеску, которую он носит, на знамя, под которым он стоит, на учение, которое он официально исповедует. Вам нет дела – искренне ли он его исповедует или лжет, но он от него не отрекся, следовательно, он продолжает его держаться, продолжает держаться начал, враждебных началам вашего народа, вашему знамени. Вопрос не о том, кто прав, кто не прав, а о том, в каком взаимном отношении должны находиться оба учения и исповедники этих учений, если они искренни.

Что сказал бы честный Брут, если бы, внезапно воскреснув, он был свидетелем взаимных учтивостей и нежностей поляков-католиков и евреев в Варшаве в прошлом году? Евреи, в припадке восторга, подносят католикам крест – эмблему распятия, распятия, совершенного евреями над тем, кого католики признают Богом. «Стало быть – евреи соглашаются со смыслом христианской эмблемы и уже отреклись от своего учения?» – спросил бы Брут. – Нисколько. Католики, со своей стороны, проливая слезы умиления, строят или дают деньги на постройку храма, синагоги, где должно раздаваться учение, противное Христову и христианству... «Стало быть – католики уже не исповедуют своего Христа?» – спросил бы Брут. – Нет, исповедуют, т. е. говорят, что исповедуют. Ксендз шествует с раввином, под ручку, в процессии... «Ведь они оба служители храмов, – спросит опять наивный Брут, – проповедники учений несовместимых, противоположных? Значит, один уступил другому, или оба убедились в лживости своих учений, или каждый признал истину учения, своему противоположного? Но ведь одно исключает другое? Как же это согласить?» – Нет, оба числятся, каждый при своей вере. – «Так это не честно! – воскликнет Брут. – Было бы в тысячу раз честнее и нравственнее, если бы католики и евреи пришли друг к другу и сказали: мы отказываемся от Христа и его заповедей, а мы от Талмуда и ожиданий мессии, мы соединяемся друг с другом во имя нашего человеческого звания!.. Но так как они этого не говорят и продолжают официально принадлежать к учениям христианскому и еврейскому, то они являют безобразный пример гнусной лжи, лицемерия, неуважения к своему званию и презрения к народу, исповедующему свою веру искренне!..»

Согласитесь, читатель, что это правда, что так должен посудить всякий беспристрастный, даже чуждый иудаизма и христианства честный, правдивый человек! Но у наших прогрессистов есть в запасе словцо, которое, по их мнению, все разъясняет и разрешает. Это дух современной цивилизации, цивилизации XIX века. Что ж это такое? Новая религия, что ли? Где кодекс этой цивилизации? Где отыскивать ее, наконец? Даже еврейский журнал «Сион», и тот в одном из своих номеров опирается в требовании новых прав для евреев на просвещение XIX века. Невольно хочется спросить «Сион» (очень умный и замечательный журнал, между прочим): «До какой эры этот XIX век? Это XIX век эры христианской, христианской проповеди и христианской цивилизации, вами отвергаемой, а потому вам и ссылаться на него неприлично. Что такое значит дух современной цивилизации? Выражается ли она в том, что англичане теснят славян и поддерживают гнет над ними турок, отвергающих цивилизацию? В учении материалистов, отвергающих понятие о добре и зле и низводящих человека на степень безответственного животного, лишенного внутренней свободы воли? В разврате ли женщин, проповедуемом некоторыми коммунистами?» Очевидно, что повторяющие это слово – сами не дают себе ясного в нем отчета и должны будут при допросе свести свои открытия в области цивилизации к тем нравственным истинам, которые все давно уже проповеданы миру именно Евангелием, которые действительно, в наше время, шире воплощаются в жизни, но которым еще далеко до полного на земле осуществления, согласно христианскому идеалу.

Итак, только во имя христианских же начал, а не какой-то цивилизации можно желать расширения льгот и прав для евреев, но нельзя же, опираясь на начала, внесенные в мир христианством, требовать отрицания и отвержения этих начал! Это бессмысленно. Веротерпимость, повелеваемая христианским учением, не значит вероугодливость, не значит равнодушие к вере, а еще менее – отречение от своей веры и своего знамени. Евреям должна быть

предоставлена полная свобода вероисповедания, но там, где бы стали хлопотать, например, о преуспевании еврейского учения, о поддержке еврейской ортодоксии или о том, чтобы Закону Божию учили настоящие, твердые в Талмуде, а не шаткие раввины, – там, чрез это, засвидетельствовалось бы только совершенное равнодушие к истине христианской. Можно допустить евреев в разные должности, но не в те должности, где власти их подчиняется быт христиан, где они могут иметь влияние на администрацию и законодательство христианской страны. К чему же вы будете отречься от своего знамени, когда евреи упорно держатся своего? Нам скажут: «В наше время вера ничего не значит, просвещенный еврей все равно, что христианин». Если ничего не значит, так зачем же еврей не отречется от своего закона публично, не объявит все-народно, что признает его ложным и принимает... Что? Ну, положим, хоть кодекс цивилизации XIX века, по-вашему, – но согласитесь, что такое отречение необходимо. Если же еврей не решается на это отречение, то, стало быть, это противно его совести, стало быть, он дорожит и признает истинным учение своего Талмуда. А признавая истинным учение Талмуда, он должен действовать, он не может иначе действовать, как в духе своего учения, противоположного всем началам, которые легли в основу частного и общественного, и государственного быта в христианской земле.

Мы никогда не враждовали с евреями. Мы признаем великие дарования этого народа и искренне сожалеем об его заблуждении. Мы готовы желать, чтобы обеспечена была ему полная свобода быта, самоуправления, развития, просвещения, торговли (разумеется, поскольку евреи способны уважать общие для всех граждан законы); мы готовы даже желать допущения их на жительство по всей России, но мы не можем желать для них административных и законодательных прав в России, в стране, которая предносит пред собою знамя христианства, создалась и развивается на началах христианской истины и, повторяем, не в ином смысле признаем возможным будущее применение нового закона о евреях. Допустить евреев к участию в законодательстве или в народном правительстве, как в Англии (кроме дел, их непосредственно касающихся), мы считаем возможным только тогда, когда бы мы объявили, что отрекаемся и отказываемся от христианского путеводящего света. Совмещение же, с одной стороны, признания за евреями таких прав, с другой – официальной верности христианскому знамени, – есть ложь и лицемерие, вредные для народной нравственности и потому неспособные дать даже и на практике никаких прочно-полезных результатов.

Мы знаем, что против нашего мнения поднимется целый хор недобросовестных или непонятливых публицистов, что нас обвинят в отсталости, в варварстве, в невежестве и даже в фанатизме! Эти клеветы нам не страшны. Но неужели не найдется людей, способных рассмотреть вопрос хладнокровно и на основании простой логики? Или требование логики в сочинениях большей части наших публицистов – есть требование неумеренное?..

Отчего евреям в России иметь ту равноправность, которой не дается нашим раскольникам?

Москва, 26 мая 1862 г.

Статья об евреях, помещенная в N 19 «Дня», произвела, как и следовало ожидать, истинный взрыв негодования во многих, преимущественно петербургских журналах, служащих по прогрессивной и либеральной части. Впрочем, кроме одной статьи, принадлежащей московской газете и на которую мы не замедлим отвечать, остальные, именно петербургские журналы, не представили никакого серьезного возражения: большая часть из них, имея во главе или в хвосте «Северную почту», только провозгласила хором отсталость и «косность» редакции «Дня» и дала публике новое свидетельство своего благородства, своего либерализма, своего великодушия, своего сочувствия к меньшей братии вообще, и к угнетенным в особенности.

Сочувствие к угнетенным! Какие чудесные слова! Сколько в них нравственной красоты и великой, утешительной для общества прогрессивной силы! Как же не ценить такое направление в нашей литературе, как же не отдать справедливости петербургским журналам и газетам, друг перед другом отличающимся широтою и возвышенностью чувств, от «Гудка» до фельетонов официального органа Министерства вн. дел с г. Василием Заочным включительно?

И действительно, наблюдать это литературное явление со стороны – в высшей степени интересно. Не раз задавали мы себе вопрос: то сострадание к человечеству – есть ли оно искреннее движение общественной совести, одним словом – явление, порожаемое положительными нравственными требованиями общества, – или же только выражение протеста, вполне законного, против гнетущей силы, – сочувствие неразборчивое, отвлеченное, не справляющееся с действительностью, основанное не на любви к добру, а на отрицании зла? Разумеется, первое, т. е. любовь, несравненно труднее, потому что требует от человека положительных дел и жертв, и вообще – проявлений реальных, второе же – гораздо легче и может дешевым способом поставить человека в красивое общественное положение, но тем не менее и оно – явление вполне законное, почтенное и утешительное. Мы готовы были бы охотно признать, что сострадательность нашей литературы проистекает из того или другого источника, если бы она не переходила так часто в приторную и пошлую сентиментальность, если б в ней было более знания дела (мы, конечно, разумеем здесь не «Мертвый дом» г. Достоевского, не «Основу», да и вообще имеем в виду не отдельные статьи в том или другом периодическом издании, а главный, общий, господствующий характер их направления), – если б, наконец, нас не смущало следующее постоянное противоречие.

Те петербургские органы литературы, которые по преимуществу щеголяют «демократическим» направлением, а следовательно, и состраданием к народу, к угнетенной меньшей братии вообще, – не только оказывают полнейшее презрение к народу, но постоянно оскорбляют и, так сказать, нравственно угнетают самые заветные стороны его духа, его святыню, его убеждения, его веру, его народность – одним словом, то, что для него дороже всего на свете! Должно быть, любить человечество вообще – еще не значит любить человечество русское, которое обувается в лапти, сапоги, смазываемые дегтем, и одевается в нагольные тулупы; наконец, даже и любить русское человечество с его демократической одеждою – еще вовсе не значит уважать его, его духовные и гражданские требования... Наши чувствительные демократы обыкновенно создают из народа какой-то идеал по образу и по подобию своему, и только в этом виде ему и сочувствуют, не признавая за ним никакого права быть самим собою и нисколько не чинясь с истинным образом народным, как скоро замечают в нем несходство со своим идеалом. Они даже не прочь в таком случае прибегнуть и к диктаторскому жезлу или просто к палке Петра Великого, чтобы сим сострадательным способом вогнать народ в рамки своего демократического подобия!

Итак, мы нисколько не верим тому широкому и великодушному состраданию к угнетенным, тому сочувствию к народу, которое знать не хочет коренных основ русской, до сих пор нравственно угнетенной народности, как и вообще не верим петербургскому демократизму: мы решительно считаем его одного поля ягодой с петербургским аристократизмом, бюрократизмом и со всем тем, против чего он ратует: все они выросли на одной и той же почве, лежащей гнетом поверх русской земли, наследовали тот же дух петровского презрения к русскому народу, хотя бы причесывались *a la moujik*, щеголяли в поддевках и толковали о земстве!..

Наконец есть еще третье объяснение – и едва ли не самое истинное – того «благородного негодования», которым преисполнились петербургские журналы по поводу евреев и вообще преисполняются при каждом удобном случае. Оказывается, что мы, русские (т. е. русское образованное общество), не только в области мысли, но и в области чувства, любви, сострадания не умеем быть самостоятельными и платим дань подражательности Западной Европе. Действительно, разве мы не хлопотали об уничтожении постыдного торгового африканскими невольниками еще лет за 25 до освобождения наших крепостных? Разве критик петербургского журнала (одного из толстых) недавно при разборе сочинений И. В. Киреевского не поставил ему упрек в том, что он в 1831 году занимался за границей германской философией, а не болел сердцем о том, «что есть французский блузник» или «как французский буржуа давит индивидуальное развитие своих сыновей и дочерей»: мы бы еще поверили сострадательности критика, если б он указал на наши русские общественные вопросы, на бедствие наших крестьян и рабочих, но он о них и не упомянул: это забвение многозначительно. Разве «Русский инвалид», горячо сочувствующий делу итальянского единства, не глумится в то же время над сочувствием к единоплеменникам-славянам, выражаясь даже таким образом, что «смешно и нелепо сожалеть об угнетенных славянах, чем о неграх!» И в самом деле: единоплеменники! Какая узость взгляда! Нет, мы космополиты, а почему мы не называем узким стремление пьемонтцев освободить всех единоплеменников своих итальянцев от чуждого ига. Это... это потому, что ведь они, итальянцы, и даже все, до последнего мужика (каково просвещение!) умеют по-итальянски, а славян Европа ненавидит или презирает!..

Так и относительно евреев. Этот вопрос имеет известность европейскую: французы, немцы, англичане дали ему самое либеральное разрешение; чего же тут сомневаться? Кто посмеет идти против такого авторитета? Напротив – тут можно либеральничать безопасно, потому что за нас стоит авторитет европейский, можно легким способом удостоиться внимания иностранной журналистики и самому, в собственном сердце, почувствовать себя передовым человеком!..

А подумал ли, вспомнил ли хоть кто-нибудь из благородных защитников принципа допущения евреев к высшим должностям в государстве о той громадной массе русских, лишенных даже и тех прав, которыми евреи пользовались постоянно, прежде последней дарованной им льготы, пользовались едва ли не с самого начала их поселения в Малороссии? Кому из «либералов» пришли по поводу евреев на память – хоть наши старообрядцы беспоповщинского толка? Конечно – это свои; необразованное мужичье, коснеющее в предрассудках, за них еще не стыдили нас ни французы, ни англичане: со своими что за счеты! И в самом деле, отчего ни один, так близко принимающий к сердцу положение еврейского народа, отчего сам г. Мельгунов, доказывающий в «Нашем времени», что для исправления правосудия в России необходимо допустить в личный состав судов – немецких евреев, – не сказал при этом случае ни слова о раскольниках, а если и упомянул про русского человека, так только для того, чтоб назвать его тут же, кстати, – плутом?!

Мы вовсе не сочувствуем расколу как расколу, но говорим только, что странен и подозрителен рьяный восторг, в который наши либералы приходят при мысли о новых правах евреев, когда наши беспоповщинцы и вообще старообрядцы не могут быть избираемы в городские общественные должности, не могут строить молелен, когда их сожительство с женами не при-

знается нашим законодательством за брак наравне с еврейским и дети не считаются законными?..

На этот раз воздерживаемся от более пространных суждений о расколе, довольствуясь сделанным нами заявлением и отлагая подробнейшее рассмотрение этого вопроса до... другого времени.

Что такое «еврей» относительно христианской цивилизации?

Москва, 8 августа 1864 г.

Что такое «еврейский вопрос» в России, да и не в России только, а вообще в христианской Европе? Этот вопрос состоит собственно в том, каким образом заглушить тот диссонанс, примирить то противоречие, которое представляет существование еврейского племени среди христианского общества, т. е. племени, отрицающего самую коренную основу христианского общества, самые его права на бытие? Другими словами: как устроить отношение к национальности христианского народа – такой национальности, которая все свое определение находит только в отрицании христианства, – и других элементов национальности, даже почти и физиологических не имеет? Если бы евреи отступились от своих религиозных верований и признали во Христе истинного мессию, никакого бы еврейского вопроса и не существовало. Они тотчас бы слились с теми христианскими народами, среди которых обитают. Следовательно, разрешение этого трудного, многосложного, тяжелого и скучного вопроса, по-видимому, очень легко: нужно только осознать свои заблуждения, отказаться от того, что все гг. прогрессисты из евреев же называют предрассудками. Но тогда бы не было и вопроса, а вопрос существует именно потому, что евреи желают быть согражданами христианского общества, оставаясь в то же время верными своему «закону», – стало быть, они дорожат этим «законом», стало быть, они вполне разделяют все чаяния, сопряженные с иудаизмом как вероучением, проникнуты в душе той же исключительностью, которая составляла некогда священную особенность этого племени до христианства, но которая упразднена исполнением обетования во Христе и призыванием к участию в благодати всего человечества. Если же таково внутреннее духовное отношение евреев к христианам, так, строго говоря, тут примирение невозможно. Искренне верующий еврей и искренне верующий христианин могут сосуществовать в одном месте, друг подле друга, связанные внешним гражданским союзом, – но без духовного единения, но не составляя друг с другом никакого общего нравственного целого: они в области сознания исключают друг друга. Нам могут заметить, что и в среде христиан очень много людей неверующих, отрицающих христианство. Конечно, так, но это отрицание, являющееся внутри самого христианского общества, совсем другого качества и значения, чем отрицание христианства евреями. В христианском обществе (в обширном смысле слова) атеизм является фактом партикулярным, личным, как бы ни было велико число отдельных атеистических личностей; они – эти атеисты – как бы ни было рьяно их отрицание, возвращаются в том же круге христианского общечеловеческого сознания – только в отрицательном к нему отношении и на место отрицаемого не могут поставить ничего положительного: ни нового высшего нравственного идеала, ни новой веры (так как они вообще отвергают всякую жизнь веры в человеке); ни той полноты знания, которая бы способна была заменить веру. Они только не христиане по личным убеждениям, но сами по себе не суть провозвестники новой положительной истины. Совсем в ином отношении находятся к христианству евреи. Их отрицание тем сильнее, чем теснее связь христианства с иудаизмом. И какая связь: это логическая преемственная связь двух исторических моментов духовного развития человечества. (Попытаемся рассмотреть вопрос с точки зрения чисто исторической, а не с той точки зрения, которая непременно предполагает присутствие личной веры: в последнем случае каждому легко уклоняться от спора). Христианство есть венец иудаизма – конечная цель, к которой иудаизм стремился, которая осмыслила все его историческое бытие. Ни в истории, как явления исторические, ни в логическом сознании, как факты сознания, – христианство и иудаизм, немыслимы один без другого: христианство немыслимо без предшествовавшего ему иудаизма, и последний только в христианстве нашел свое объяснение и оправдание. Что же такое евреи в наше время? Это воплощение отжившего историче-

ского периода, это застывший, упраздненный момент общечеловеческого духовного развития, общечеловеческого сознания, – момент, которого притязания на дальнейшую историческую жизнь равносильны отрицанию всего последовавшего после него развития человечества. Еврей есть анахронизм, но анахронизм, не мирящийся с своей участью, а претендующий на значение современное. Между тем, если бы этот анахронизм имел значение современное, то этим бы исключалось все прочее ныне современное существующее, – все, что является теперь как логический вывод из времени предшествующего. Если верование еврея имеет логическое право на бытие в наше время, т. е. если предположить, что оно несколько не упразднено историей, то не только христианство не имеет смысла, как последующий логический момент общечеловеческого религиозного сознания, но и вся история человечества от времен Христа, со всей новейшей, т. е. христианской цивилизацией, лишается всякой разумной логической основы, является какою-то необъяснимою случайностью, теряет право на историческое бытие! Еврей, отрицая христианство и предъявляя притязания иудаизма, отрицает вместе с тем логически все до 1864 года успехи человеческой истории и возвращает человечество на ту ступень, в тот момент сознания, в котором оно обреталось до явления Христа на земле. В этом случае еврей не просто неверующий, как атеист, – нет: он, напротив, верит во всю силу души, признает веру, как и христианин, существенным содержанием человеческого духа, и отрицает христианство – не как веру вообще, а в самой его логической основе и исторической законности. Верующий еврей продолжает в своем сознании распинать Христа и бороться в мыслях, отчаянно и яростно, за отжитое право духовного первенства, – бороться с Тем, Который пришел упразднить «закон» – исполнением его.

Найдутся, пожалуй, такие господа, которые обвинят нас в желании разжечь взаимную ненависть христиан и евреев, возбудить религиозный фанатизм и т. д. Этим господам несравненно привольнее пребывать в каком-то смутном состоянии, в какой-то сырой неопределенности мысли и чувства, не разрешая противоречий, не отдавая себе ясного отчета ни в чем, не подвергая логической пытке внутренний мир своего сознания. Таким безобразным смещением, такой путаницей понятий особенно страдает наша российская общественная современность, прикрывая плащом прогресса, гуманности и т. д. – свою тощую логику. Русское общество закидано кругом таким множеством блестящих фраз, так называемых «последних результатов науки» и «аксиом всего просвещенного мира», что от них, кроме сумбура, ничего в головах и не остается. Если Пушкин, говоря про одного генерала, сказал: «Он чином от ума избавлен», то едва ли не с большим правом можно применить это и к нашим господам, красующимся в чинах либералов, гуманистов, прогрессистов и проч. Главная задача людей мыслящих и искренно любящих Россию, в наше время, должна бы состоять в критической проверке всего того умственного и нравственного хлама, который накопился в русских людях вследствие ложного, несамостоятельного развития нашего просвещения, – в строгом разборе тех ходячих фраз, которыми пробавляется значительная часть нашего общества, и едва ли не преимущественно в высших его сферах. Никогда разъяснение истины не приведет ко лжи и злу, никогда свет не создаст мрака – напротив, точнее и отчетливее определит настоящие отношения жизненных явлений между собой. Что же касается до евреев, то всякое разъяснение этого вопроса – с одной стороны, поможет только еще более разогнать мрак фанатического неразумия и слепой ненависти, а с другой – способно, может быть, будет и воздержать несколько от потворства лжи, от излишней и грешной любезности с нею, от вредного притупления нравственного чувства и от опасных уступок в ущерб русской народности.

Мы хотели бы уяснить для сознания самих евреев всю полноту противоречия, представляемого иудаизмом в мире христианском. «Иудей, – говорит Хомяков в своих „Исторических записках“ после Христа, есть живая бессмыслица, не имеющая разумного существования и потому никакого значения в историческом мире»... Логический выход из такого положения возможен только один: отречься от жидовства и принять те начала, которые составляют закон

всего современного просвещенного мира. Это честный, прямой и вполне плодотворный выход, но есть и другой – путь отрицательный и более комфортабельный – путь безверия: перестать быть жидом, не отрекаясь от жидовства, но не делаться и христианином, а чем-то средним, какой-то нравственной и умственной амфибией. Это то, что прогрессисты – евреи, называют: примкнуть к общечеловеческой цивилизации. По нашему мнению, это значит повиснуть на воздухе, но не так ведь думают прогрессисты, и мы желали бы, чтобы сами эти евреи объяснили нам – что это за почва, на которую они предполагают стать, отрешившись от религиозных предрассудков своей народности и не пристав к религиозным убеждениям той или другой европейской народности, среди которой они живут? Они не евреи и не христиане в смысле верования что же они такое? Философы... Какие? Какой из школ – ведь им нет числа? Да и какая из них вполне закончена, представляет вполне установившуюся систему, не отстраняемую дальнейшим прогрессом мышления? Не пришли ли наконец эти школы в своем логическом развитии и в попытках утвердить абсолютную истину на чистом логическом основании – вне религии, к отрицанию всякой абсолютной истины, подставив, так сказать, человечеству под ноги вечно колеблющуюся почву истин относительных? К тому же вообще современная философия едва ли может быть понята совершенно отвлеченно, независимо от всякого религиозного и даже христианского сознания: она возится с ним, борется или отрицает, старается разрешить вопросы, им поставленные, внести критику разума в целый мир представлений неизвестных дохристианскому историческому миру, и неразлучных с человеческим сознанием – с наступлением христианского периода истории... Посмотрим теперь на другую сторону общечеловеческой цивилизации по отношению к еврею – на нравственно-бытовую. Влияние христианства как начала общественного и бытового пребывает в человеке, принадлежащем к быту христианского общества, и действует в нем – непосредственно, нередко даже без его ведома и сознания, и хотя бы даже он умственно и отрицал христианство. Но не таково положение еврея. Он чужд или имеет притязание быть чуждым влиянию христианства как общественного и бытового начала. Если бы даже еврей и уверял, что мыслью своей он принадлежит к школе того или другого философа, то пришлось бы все-таки спросить каждого еврея – к какой школе он принадлежит в своем быту, каким общественным нравственным началом он руководствуется? Мы не предложим этого вопроса даже нигилисту-христианину, ибо убеждены, что разрыв его с христианством чисто внешний и что есть нравственные пределы, чрез которые не позволит переступить ему его совесть, – которая, будучи раз просвещена христианским сознанием, никогда не может снизойти до спокойного состояния совести язычника. Она всегда будет предъявлять запросы, на которые надо будет приискивать успокоительные ответы. Мы, конечно, разумеем здесь не тех падших, загрубелых злодеев, которые случаются и в христианском обществе: мы говорим о нормальном состоянии совести и нравственной природы человека. От христианского нравственного сознания невозможно отделаться человеку – раз, когда оно его коснулось, – непосредственно ли, или посредством общества, среди которого он возрос и воспитался. Но еврей, имеющий притязание стоять вообще вне всякого христианского сознания и Действительно пребывавший в постоянном разобщении с христианским духовным миром через свои религиозные верования, – еврей, отрекшись от этих верований и, следовательно, от обязательности бытового еврейского нравственного закона, – каким новым нравственным, общественным и бытовым законом будет управляться в частном и общественном быту Законом личной совести, на сердцах написанными Но сердце человека подвижно, и почему же может быть обязательно для человека слушаться своей совести, как скоро она не освещена и не освящена христианским вероучением, раскрывшим человеку всю полноту нравственного закона, в нем пребывающего, и призвавшим его к бесконечному совершенствованию? Вне христианского света, внесенного во внутренний мир совести человека, совесть блуждает в потемках, естественное сознание естественных законов совести неясно, шатко и зыбко; и к тому же его очевидно недостаточно для человека, уже вышедшего из состояния естествен-

ности. Что же касается до внешних, формальных законов тех государств, в области которых приходится еврею жить, – то как бы строго ни подчинялся им еврей, эти законы нисколько не отстраняют нравственной высшей истины и не простираются на область частного и общественного быта. Внешняя правда, ими выражаемая, не только недостаточна сама по себе, но и немыслима без восполнения ее законами внутренней правды, живущими в христианском сознании общества. Государство, конечно, не есть церковь; но общество, которому государство это служит щитом и органическим внешним покровом, – есть общество христианское.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.